

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И МИР

Тезисы докладов участников
II международной научной конференции

Часть II

Литературоведение, лингвистика,
музыковедение

Нижний Новгород 1994

Л. И. Вольперт (Тарту)

**МОТИВ АДЮЛЬТЕРА В ПЛАНЕ ПУШКИНА
«L'HOMME DU MONDE»
И РОМАН АНСЕЛО «СВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК»**

1. План Пушкина «L'homme du monde» («Светский человек, 1828) интересовал исследователей в двух отношениях: как исток неоконченных прозаических отрывков и в связи с проблемой жанра: это план романа (Е. Гладкова, А. Чичерин) или светской повести (Б. Мейлах, Л. Сидяков, Н. Петрунина). Два аспекта остались вне внимания исследователей: а) пушкинский план — первый подступ к разработке в русской светской прозе мотива супружеской неверности; б) генетическая связь пушкинского плана с романом Ансело «Светский человек» (L'Ancelet «L'homme du monde», 1827).

2. Типичное произведение массовой литературы, книга Ансело, написанная в традиции светского нравоописательного романа, представляет собой средний образец жанра с некоторыми чертами эпигонства. Хотя роману свойственны сентиментальность, назидательность, сюжетные штампы (мотивы «узнавания», соперничества отца и сына, сорванных свиданий, побегов, дуэлей), в нем есть и достоинства, главное из которых — новаторский подход к трактовке мотива адюльтера. Светская женщина, «неверная жена», изображена в книге с сочувствием, как жертва лицемерных нравов.

3. В русской светской прозе 1820—30 гг. тема супружеской неверности остается «под запретом». Табуиро-

⁶ Пушкин А. С. Указ. изд. Т. 2.—С. 134.

ванность мотива адюльтера объясняется сложным комплексом причин (русское национальное самосознание, ригоризм нравственных норм, «неразрушенность» уклада). В пушкинском плане (намечены контуры сюжета, расстановка действующих лиц, основные характеры и конфликты), значимость женского персонажа («неверная жена») постепенно возрастает. В авторской позиции заметно воздействие «Светского человека» Ансело, в тексте плана есть прямые переклички с романом.

4. Пушкин, затронувший «опасную» тему уже в «Арапе Петра Великого» (однако здесь, как и в более позднем драматическом отрывке на ту же тему «Через неделю буду в Париже...», действие происходит в Париже, с которым в сознании русских привычно связывался данный мотив), с новаторской смелостью переносит место действия в Россию, так сказать, «в свой дом». Как нам представляется, при всем лаконизме плана в нем есть внутреннее движение, свидетельствующее о сложности преодоления привычного менталитета (характер зачеркиваний, исправлений, функция использования русских слов). Поначалу может показаться, что и здесь действие происходит во Франции (топос не уточнен, план написан по-французски, имена героев французские — Zélie, Laval), но затем маркированные русскоязычные вкрапления («на даче», «к чаю») — знак «петербургского» хронотопа (великосветские каменноостровские дачи) недвусмысленно свидетельствуют о впервые осуществленной «прописке» мотива адюльтера в русской светской прозе.

5. В созданных приблизительно в то же время, что и план «L'homme du monde», последних главах «Евгения Онегина» Пушкин, как известно, предложил иную трактовку коллизии «треугольника», однако одновременно он исподволь эстетически разрабатывал и нетрадиционное для русской высокой прозы решение. Хотя его идеал — «верная жена» (Татьяна) и убеждение в «чистоте и строгости» русских светских нравов для него органично, все же личный опыт, знание света, близость французской психологической традиции и, быть может, самое главное — принципиальное стремление к изображению «истины страстей» определяли колебания поэта и стимулировали поиск иной модели отношений. Не случайно Пушкин всякий раз стремился опубликовать лишь «идеальный» вариант, а противоположный обнародовать не спешил (парижские главы «Арапа Петра Великого», «Гости съезжались на дачу», «На углу маленькой площади» он

публиковать не торопился, они увидели свет лишь после его смерти).

6. Именно этот «идеальный» вариант, нашедший отражение не только в «Евгении Онегине», но и в «Метели» и «Дубровском», оказался конструктивным для последующего развития русской светской повести (Марлинский, Одоевский, Соллогуб, Павлов, Жукова, Ган, Ростопчина, Дурова). В центре многих из повестей подобная коллизия, жена любит «не мужа», но адюльтер для нее невозможен (исключение — «Фрегат «Надежда» Марлинского»). Однако по мере разрушения уклада актуализируется «потайное» пушкинское решение; все, что было подспудным, становится явным, оно «вырывается» на поверхность в творчестве Лермонтова, завоевывает все более широкую читательскую аудиторию и получает блистательное завершение в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».